

Н. В. Козловцева

**СТАРООБРЯДЧЕСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЭТИКА
И «ДУХ РУССКОГО КАПИТАЛИЗМА»
(по материалам Нижегородской губернии XIX века)**

*Работа представлена кафедрой истории России
Нижегородского государственного педагогического университета.
Научный руководитель – доктор исторических наук, профессор В. П. Кожневников*

В статье на основе архивных материалов представлены сведения о количестве староверов в Нижегородской губернии XIX в., рассмотрены особенности трудовой этики старообрядчества, представлена иерархия целей труда на примере развития предпринимательского дела нижегородских староверов: Бугровых, Блиновых, Д. В. Сироткина и У. С. Курбатова.

Ключевые слова: старообрядчество, предпринимательство, капитал, труд.

N. Kozlovtsava

**OLD BELIEVERS' ORTHODOX ETHICS
AND THE "SPIRIT OF RUSSIAN CAPITALISM"
(based on the archive records of the Nizhny Novgorod province of the 19th century)**

The article, based on the archive records, contains the information about the number of the Old Believers in the Nizhny Novgorod province of the 19th century. It dwells upon the peculiarities of the Old Believers' work ethics and represents the hierarchy of work objectives considering the development of entrepreneurship of the Nizhny Novgorod Old Believers such as the Bugrovs, Blinovs, D. Sirotkin, U. Kurbatov.

Key words: Old Believers, entrepreneurship, capital, labour.

В наши дни старообрядцы занимают скромное место в духовной и деловой жизни России. Но так было не всегда. В начале XX в. 60% представителей торгово-промышленного класса составляли старообрядцы, в руках которых было сосредоточено 64% промышленного капитала Российской империи [29, с. 80]. И речь идет не об одних только «русских миллионщиках» (Гучковых, Рябушинских, Морозовых), но и о сотнях менее известных или вовсе неизвестных старообрядческих семей. В результате их деятельности возникали семейные капиталы, которые со временем вырастали до весьма внушительных размеров. Среди представителей деловых кругов Нижегородской губернии XIX – начала XX в. можно назвать такие имена: братья Федор, Аристарх и Николай Блиновы; Петр Егорович, Александр Петрович и Николай Александрович Бугровы; Петр Алек-

сеевич Овчинников, Григорий Матвеевич Прянишников, Дмитрий Васильевич Сироткин, Устин Саввович Курбатов и др.

В Нижегородской губернии к 1813 г. насчитывалось 11 368 мужчин и 15 574 женщины, исповедующих старообрядчество [6, л. 3]. Коллежский советник П. И. Мельников в своем «Отчете о современном состоянии раскола в Нижегородской губернии» 1854 г. исчисляет раскольников всех толков 170 506 человек (действительное население губернии – 1 164 010 человек) [25, с. 3]. На 1 января 1896 г. в губернии проживало 1 658 967 человек, из них православных и единоверцев – 1 525 735, старообрядцев – 75 848 [14, л. 5, 7]. К началу XX в. (данные 1912 г.) в Нижегородской губернии насчитывалось старообрядцев 90 230 человек, а в 1914 г. – уже 116 000 [1, с. 1]. Таким образом, староверы не являлись доминирующей группой в Ни-

жегородской губернии и составляли приблизительно от 5 до 15% населения (в разные периоды времени), однако они выделялись из основной массы русских людей деловыми качествами. П. И. Мельников отмечает: «Там, где более развиты промыслы раскол сильнее и наоборот, где менее раскольников, там слабее промышленность» [25, с. 282]. Или: «...чем крестьяне зажиточнее и домовитее, тем раскол развит между ними сильнее» [25, с. 60].

По мнению некоторых специалистов в области российской экономической истории (В. Ф. Шаповалов, Л. Воронцова, А. Соболевская), именно старообрядческая культура способствовала появлению на свет того самого феномена, который мы сегодня вслед за М. Вебером могли бы назвать «духом русского капитализма». В чем же заключалась особенность трудовой этики старообрядцев, почему они всегда были зажиточны?

В православной трудовой этике присутствует хозяйственный аскетизм, который выражается в стремлении уйти от мира и преодолеть его. В Евангелии сказано: «Не заботьтесь, что вам есть и пить и во что вам одеваться, взгляните на птичек небесных и на полевые мыши, яко не сеют и не жнут, не собирают в житницы, и Господь питает их» [Мф. 6, 26]. С другой стороны, «кто не работает, да не ест», свидетельствует Священное Писание. Это означает, как писал митрополит Санкт-Петербургский и Ладужский Иоанн, что церковь безоговорочно благословляет лишь производительный труд, направленный на удовлетворение естественных потребностей человеческой природы. Труд, целью которого является только самоутверждение, являющееся средством удовлетворения разного рода страстей, гордыни, тщеславия, жажды власти, признается в православии суетным, а иногда и пагубным для души. В «Домострое» хозяйствование, хотя и ведущее к ограниченному достатку, не только оправдывалось, но и определялось как путь к спасению, если его основой являлся труд.

В ходе модернизации XVIII–XIX вв. конфессионально-этические отношения остались в рамках традиционализма, труд так и

не стал насущной духовной необходимостью. Это подтверждают наиздания синодальной церкви середины XIX в., что нашло отражение в журнале «Христианские чтения», где в одном из специальных материалов за 1853 г. говорится: «Трудитесь умеренно, полагайтесь больше на промысел божий, чем на ваш труд, довольствуйтесь известным достоянием, приличным вам; желайте только того, что вам необходимо для поддержания вашего семейства; не следуйте движениям слепой жадности, никогда ничем не довольной, заставляющей радеть о спасении» [19, с. 5]. И в конце позапрошлого столетия, по мнению профессора Б. Н. Миронова, этика труда на практике была равнозначна «этике выживания», которая предполагает труд для удовлетворения традиционных, скромных по своему составу потребностей семьи и не предполагает накопления. В своей работе «Социальная история России» он приходит к выводу о потребительском характере крестьянского хозяйства, целью которого было не получение прибыли, а получение пропитания. Смысл жизни крестьянин усматривал не в накоплении собственности, не в увеличении власти и влияния с помощью богатства, а в спокойной и праведной жизни, которая могла обеспечить вечное спасение и добрую славу среди односельчан [24, с. 313].

Итак, трудовая этика большинства российских крестьян, из среды которых и вышли предприниматели-староверы, в течение всего периода империи не претерпела радикальных изменений до 1917 г., она оставалась минималистской, потребительской. Однако «этика праздности» не являлась особенностью России, а была общим европейским явлением в доиндустриальную эпоху, и причина этого состояла в менталитете, присущем человеку традиционного общества. Так, В. Зомбарт определил суть докапиталистического хозяйственного образа мыслей: «Форма и размер отдельного хозяйства определяются формой и размером потребности, считающейся твердо данной. Вся цель хозяйствования есть удовлетворение этой потребности» [17, с. 13–14].

Однако в России развивалась и иная предпринимательская духовность, носителем

которой являлось старообрядчество, которое В. Соловьев называет «протестантизмом местного предания» [28, с. 90]. Содержатся ли в структуре старообрядческой трудовой морали элементы капиталистического духа?

Одним из главных моментов в идеологии старообрядчества является идея спасения, которая отличалась не только от протестантизма или кальвинизма, но и от православия. Еще В. В. Розанов обратил внимание, что «в то время как церковь ищет правил спасения, раскол ищет типа спасения» [26, с. 36]. Спаситься в Царстве Антихриста можно было, «бежав» из него, проявляя самоотверженность и упорство в вере, а это делало человека свободным. Протопоп Аввакум понимал свободу как независимость человеческой личности от любых внешних ограничителей, будь то церковь или государство: «Христос меня пронес и святая Богородица провела; я не боюсь никого, одного боюсь – Христа» [16, с. 39]. Таким образом, свободный и самоопределяющийся человек должен был, используя весь свой талант и способности, сохранить «истинное благочестие». И каждый верующий нес ответственность не только за судьбу своей личной души, но и за судьбу всей церкви и веры, за все сообщество. И если в Европе в эпоху Нового времени личность питала «иллюзию своей... суверенности по отношению к обществу» [5, с. 269], то в России старообрядчество выработало иную форму индивидуализации личности.

Более того, старообрядчество ознаменовало собой рождение нового типа личности, особенностью которой является ее активность, так как считали, что «верный должен познаваться от дел» [3, с. 148]. Именно активное начало приветствовалось в человеке. Вот что можно прочесть в старопечатных книгах: «Ныне есть время делания, во гробе бо не поделаешь», «без дел и молитва не пользует», «каждо от дел прославится» [16, с. 70, 148, 184]. Но почему такое большое внимание уделялось деятельности человека? Ради чего была эта деятельность? Если в протестантизме собственность и деньги – это те критерии, которые давали уверенность человеку в спасении по предопределению Божье-

му, и ради этого следовало трудиться, а сам по себе труд не ведет к спасению, так как спасение лишь в вере, то в старообрядчестве трудовая деятельность непосредственно подготавливала спасение души. Однако это происходило лишь в том случае, если труд был ради спасения истинной веры, «паче же спасения ради». Руководители Выговской старообрядческой пустыни называют физический труд деятельностью, которая «вечным наслаждением обоготворяет, еже небесного царствия сподоблеует, еже от вечных мук избавляет» [30, с. 230].

Кроме спасения души и распространения «истинного благочестия» существовала у староверов и «земная» иерархия целей труда: на первом месте стояло развитие дела, затем благосостояние семьи, а на третьем – социальное положение [30, с. 61]. Доказать эти положения можно на примере развития предпринимательского дела нижегородских старообрядцев.

Самый яркий пример – развитие семейного бизнеса Бугровых. Об этом повествует профессор А. В. Седов: «Петр Егорович Бугров, будучи старообрядцем, вел трезвый образ жизни, постепенно скопил капитал, занялся транспортировкой соли и хлеба, первым в губернии основал мукомольное производство, построил на реке Линде несколько крупных водяных мельниц. Бугров второй, Александр Петрович, расширил мукомольное дело, поставив две больших мельницы на реке Сейме в Балахнинском уезде. После отмены крепостного права, когда помещики стали разоряться, А. П. Бугров скупил у них большое количество земли и организовал лесопереработки, снабжая железную дорогу шпалами, а жителей Н. Новгорода дровами и лесоматериалами. Бугров третий, Николай Александрович, новых мельниц не строил, но модернизировал старые: к водяным двигателям добавил паровые, обновил технологию производства, заменив жернова вальцовыми станками, что дало муку самого высокого качества» [27, с. 140]. Таким образом, очевидно, что каждый из Бугровых искал пути расширения, новые способы развития дела. Идея расширения и развития прослеживается

и в предпринимательстве других нижегородских старообрядцев.

В известной купеческой династии Блиновых первого поколения было три брата – Федор Андреевич, Аристарх Андреевич и Николай Андреевич. Федор Блинов, поселившись в Н. Новгороде в 1846 г., через некоторое время имел в городе 6 каменных домов, 5 лавок, а в губернии – 1 паровую и 3 водяные мельницы, земли и лесные дачи [8, л. 13]. Он стал одним из первых судовладельцев, начавших использовать паровую тягу вместо бурлацкой лямки. Его пароходы и баржи доставляли зерно и соль с низовьев Волги и Камы, и объемы перевозок увеличивались с каждой навигацией. Его братья Николай и Аристарх были активными помощниками, нераздельно владели 5 домами на улице Рождественской Н. Новгорода, в семеновском уезде – 2 крупчатными заводами и 2 мукомольными мельницами, землями [12, л. 1–7]. Следующее поколение Блиновых постаралось удержать и расширить дело своих отцов. Так, Аасаф Аристархович был превосходным специалистом в мукомольном деле. Под его началом «торговый дом братьев Блиновых» не только не захирел, но, наоборот, значительно расширился и окреп. В Казанской и Нижегородской губерниях на Блиновых работали уже 5 паровых мельниц и заводов и 5 водяных мельниц [22, с. 83–84]. Дело Федора Андреевича оказалось в надежных руках.

Таким образом, мы видим, что необходимость развития бизнеса осознавалась всеми старообрядцами и в семейном бизнесе дети всегда старались вывести дело родителей на новый уровень, модернизировать или расширить производство, а не просто проживать состояние. Безусловно, не каждый имел необходимые качества и хватку, и тогда на помощь приходили родители и родственники. Так, Макарий Николаевич Блинов не смог управлять полученным в наследство мукомольным производством, и на помощь пришел дядя – Н. А. Блинов, который почти до самой смерти нес эту дополнительную нелегкую ношу. Именно благодаря этой поддержке бизнес продолжал развиваться и крепнуть.

Необходимо упомянуть и о поддержке общины, которую В. В. Керов называет регулятором и «главным менеджером» старообрядческого предпринимательства. Староверские общины уже в первой половине XIX в. создали собственную кредитную систему (в том числе вексельную), сбытовую сеть, систему координации поставок сырья, т. е. развивали внутриконфессиональную корпоративную экономическую инфраструктуру [20, с. 31]. Более того, в старообрядческой общине мобильность капитала подкреплялась и религиозно-нравственным законом. Средства, как считалось принадлежащие не владельцу, а Богу, всегда могли быть привлечены общиной в своих интересах для «Божьих дел». Это позволяло аккумулировать большие средства и направлять их в нужном направлении, именно средства общины являлись стартовым капиталом при открытии предприятия. Это обстоятельство отмечал Семеновский уездный исправник статский советник Зеленецкий: «...некоторые крестьяне, жившие в бедности, ставят новую избу и начинают жить в довольстве. Из расспросов я узнавал, что он стал работать ложки, посуду или валенки на хозяина-раскольника, который ссужал его материалами, продуктами или деньгами» [7, л. 202].

Вторая цель труда – обеспечение благосостояния семьи. Основатели старообрядческих династий оставляли своим детям приличное состояние. Так, по духовному завещанию своего отца Александр Петрович Бугров получил в наследство 5000 руб. движимого и 61 701 руб. недвижимого имущества серебром (в пересчете на ассигнации это составляло 233 153 руб. 50 коп.) [27, с. 59]. Асааф Аристархович и Макарий Николаевич Блиновы получили от своих родителей торговую фирму «Братья Блиновы», которой принадлежало 2 крупчатых паровых завода – в селе Балымеры Казанской губернии и при деревне Филипповской Нижегородской губернии. На заводах Блиновых перемалывалось до 1,2 млн пудов крупчатки в год. Кроме того, «торговый дом» располагал 3 паровыми и 5 водяными мукомольными мельницами в Казанской и Нижегородской губернии

ях [18, с. 76]. А Родион Савельевич и Иван Савельевич Колчины, не имея своих детей, передали все свое состояние племяннику – Устину Савичу Курбатову: судоремонтный завод на берегу Волги, а также парходное товарищество для перевозки грузов и пассажиров «Пароходство Колчина и Игнатова».

Однако эти солидные капиталы отнюдь не использовались для демонстрации своего богатства, в быту старообрядцы были скромны. Об этом говорят современники. В. И. Даль, хорошо знавший дела и быт П. Е. Бугрова отмечал, что «до конца жизни своей он оставался тем же смурым мужиком, разъезжал по городу, сидя боком на долгих дрогах и свесив ноги» [15, с. 90]. Бытовую скромность отмечали и в жизни внука Петра Егоровича – Николая. Об этом пишет в своих воспоминаниях А. М. Горький: «И вот я сижу с ним в маленькой комнате, ее окно выходит во двор, застроенный каменными складами... В комнате было пусто, – два стула, на которых сидели мы, маленький базарный стол и еще столик и стул в углу, у окна» [4, с. 96]. Не привык сорить деньгами и Д. В. Сироткин. Его кассовая книга позволяет не только представить размеры дела, но и охарактеризовать самого предпринимателя: в эту книгу записывались даже самые мелкие расходы молодого купца, в том числе на подарки жене, на извозчика и даже на чаевые.

Другой немаловажной целью труда была необходимость добиться устойчивого социального положения в торгово-промышленной среде. И это было немаловажно для функционирования старообрядческого бизнеса, ибо доверие и уважение партнеров имели большое значение. И здесь необходимо отметить те моральные установки, которые неукоснительно соблюдались старообрядцами. Основную их суть отражает поговорка Петра Егоровича Бугрова, которую упоминает В. И. Даль: «Так делай, чтоб тебе хорошо, а никому не худо» [15, с. 89]. Честность, верность слову и порядочность в деловых операциях снискали уважение и доверие не только нижегородского купечества, но и простых жителей. Недаром Даль уповал в оценке Петра Егоровича на авторитет обще-

ственного мнения: «Могу сослаться на весь Нижний, где, я чаю, не найдется ни одного человека, который бы не помнил Дедушку Бугрова добром, не назвал бы его честным человеком и благодетелем народа» [15, с. 89]. Александр Петрович Бугров не уступал отцу в личных и деловых качествах, за что и был избран в руководящий состав двух нижегородских банков: городского Николаевского и общественного филиала Волжско-Камского. С образованием земских учреждений он был избран гласным по двум уездам, где стояли его мельницы: по Балахнинскому и по Семёновскому уезду, а по Городовому положению 1870 г. он единодушно избирается гласным Городской думы [10, л. 1–3]. Николай Бугров не менее деятельно участвовал в общественной жизни города и многократно избирался в различные попечительские учреждения. Формулярный список о службе содержит впечатляющий перечень его общественных заслуг, включавший свыше 60 позиций [11, л. 40–56]. В течение 32 лет Николай Александрович состоял гласным Городской думы, где входил в главную комиссию – финансовую. Более того, состоял почетным мировым судьей Нижнего Новгорода и членом учетно-ссудных комитетов всех нижегородских банков.

Не менее активную общественную жизнь вели и другие старообрядцы. По мере развития бизнеса повышался и социальный статус Дмитрия Сироткина. В 1897 г. его избрали гласным Городской думы и членом ряда думских комиссий. В 1898 г. Городская дума направляет его в качестве представителя Нижнего Новгорода на Съезд русских деятелей по водным путям [13, л. 30–37]. Удачливость молодого купца поражала воображение современников. На бирже его звали «счастливым человеком», а в 1907 г. Дмитрий Васильевич был избран председателем Нижегородского биржевого комитета – представительной организации местной буржуазии. Таким образом, нижегородское купечество официально признало Д. В. Сироткина своим лидером. Но вершиной доверия к личности предпринимателя явилось избрание его на должность городского головы в 1913 г. (утвержден в должности 28.04.1913) [13,

л. 37]. Не меньшее доверие оказывали нижегородцы и Устину Саввичу Курбатову: с 1870 по 1885 г. избирался гласным Городской думы, входил в состав СовеЩательного комитета при Николаевском городском Общественном банке, Городской Думой избран в комитет Речной полиции на три года (1883–1885 гг.) [9, л. 13–14].

Приведенные доказательства свидетельствуют о доверии нижегородцев этим предпринимателям, а доверие невозможно заслужить, постоянно обманывая партнеров по бизнесу или не выполняя данных обещаний, наживаясь на чужом горе. Хотя И. А. Макаров, автор работы «Купеческий Нижний», стремится убедить читателей, что богатели купцы за счет «обмана не в меру доверчивых партнеров» или родственников, а то и афер [21, с. 34, 188]. Безусловно, предпринимательская жизнь старообрядцев была насыщена разнообразными событиями, но нельзя считать появление имени купца в качестве ответчика в деле Нижегородского Окружного суда за грех, делать выводы о непорядочности человека. Старообрядцы осуждали «коммерческие плутни», но обойти конкурента на торгах считалось в порядке вещей и не считалось грехом. П. И. Мельников-Печерский в романе «На горах» в уста одного из героев – купца-старообрядца вложил именно такое понимание торга: «...Где деньги замешались, там правды не жди... ладят с тобой дело, так спереди целуют, а сзади цапают. Один громко о чести кричит, другой ловко молчит про нее, а у всех одно на уме: как бы половчей тебя за нос провести» [23, с. 352].

Однако превыше дохода, прибыли старообрядцы считали доброе имя. «Прибыль превыше всего, но честь превыше прибыли» – вот главное правило их деятельности. И это не случайно, так как они прекрасно осознавали непостоянство богатства. «Деньги что? Деньги что вода в плесу, – один год мелко, а в другой дна не достанешь, омут» [23, с. 197]. Легкость низвержения собственности в России, как писал Н. Бердяев, произошла не только от слабости правосознания в русском народе, но и от исключительной отрешенно-

сти русского человека от земных благ. Если западный человек привык дорожить своим социальным положением, соответственно, и жизненными удобствами, то русскому человеку даже знатного происхождения такой конформизм был совершенно не свойственен.

Духовная концепция дела, сложившаяся к началу XIX в. на основе трудовой этики и принципа личной ответственности, стала стержнем старообрядческой предпринимательской этики и была настолько важна для староверов, что в конце XIX в. получила свое оформление в работах и проповедях выдающихся начетчиков. Один из самых влиятельных старообрядческих архиереев епископ Арсений Уральский указывал, что спасение души зависит от исполнения своего дела, которое исполняется каждым «по возможностям», в том числе «...для начальника – судить по правде, для богатого – миловать нищих» [2, с. 63–65]. В начале XX в. епископ Михаил (Семенов) подчеркивал в своих проповедях, что «поле и торговля не тенета для души. Каждая профессия может быть святым “постом”, святым делом, нужно только спастись от тенет, отыскивая в каждом деле те его стороны, каким можно послужить Богу» [20, с. 33]. Поэтому «школой святости» могло быть и предпринимательство. Ссылаясь на авторитет Иоанна Златоуста, Семенов утверждал, что иные святые прославились нищетою, иные богатством. «Главное в деле спасения – делать для Бога свое дело» – такова квинтэссенция старообрядческой духовной концепции дела. В результате в старообрядчестве произошла замена традиционализма, основанного на стремлении к сохранению достигнутого, на идею интенсивного развития, основанного на осознании необходимости деятельного развития.

Таким образом, в учении старообрядчества было заложено много идей, которые способствовали развитию предпринимательства в России. Быть «лучше» других, трудоспособнее, предприимчивей других, «быть всегда впереди», обгонять, опережать по всем параметрам своих конкурентов-никониан, завоевывать лидерские позиции во всех доступных сферах – именно такие

цели ставили перед собой предприниматели-староверы. Причем эти положения не являлись самоцелью, это было лишь средство для достижения более важной цели – цели выживания, сохранения и поддержания

жизни старообрядческого сообщества как такового. Именно отношение к личности и к своему труду, а также к целям своего труда формировало облик российского предпринимателя XIX в.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антонов С. Сколько нас? // Старообрядец. 1997. № 7.
2. Арсений Уральский, епископ. Оправдание Старообрядствующей Святой Христовой Церкви. М., 1999.
3. Выписки из старопечатных книг о церкви, ее таинствах и обрядности. Составлены протоиереем Василием Алявдиным. М., 1893. 350 с.
4. Горький А. М. Н. А. Бугров // Каждый род знаменит и славен. Н. Новгород: Комитет по делам архивов администрации Нижегородской области, 1999. 272 с.
5. Гуревич А. Я. Категория средневековой культуры. М., 1972.
6. ГУЦАНО. Ф. 2. Оп. 4. Д. 153.
7. ГУЦАНО. Ф. 2. Оп. 5. Д. 97.
8. ГУЦАНО Ф. 30. Оп. 35. Д. 1421.
9. ГУЦАНО. Ф. 30. Оп. 35. Д. 1856.
10. ГУЦАНО Ф. 30. Оп. 35. Д. 2452.
11. ГУЦАНО. Ф. 30. Оп. 35. Д. 2461.
12. ГУЦАНО Ф. 30. Оп. 35. Д. 2655.
13. ГУЦАНО. Ф. 30. Оп. 35 а. Д. 10313.
14. ГУЦАНО. Ф. 61. Оп. 216. Д. 469.
15. Даль В. И. Дедушка Бугров // Каждый род знаменит и славен. Н. Новгород: Комитет по делам архивов администрации Нижегородской области, 1999. 272 с.
16. Житие протопопа Аввакума и другие его сочинения. М., 1991.
17. Зомбарт В. Буржуа. М.: Наука, 1994. 443 с.
18. Казаев И. В. Из истории династии Блиновых // Каждый род знаменит и славен: из истории нижегородского предпринимательства XVII–XX века. Н. Новгород: Комитет по делам архивов администрации Нижегородской области, 1999. 272 с.
19. Керров В. В. Рабочие и хозяева. Конфессионально-этическая мотивация труда в России XIX века // Старообрядец. 2003. № 27.
20. Керров В. В. Конфессионально-этическая мотивация хозяйствования староверов в XVIII–XIX веках // Отечественная история. 2001. № 4.
21. Макаров А. И. Купеческий Нижний. Н. Новгород: НОВО, 2006. 264 с.
22. Макаров И. А. Уважаемые граждане нижнего Новгорода // Каждый род знаменит и славен: из истории нижегородского предпринимательства XVII–XX вв. Н. Новгород: Комитет по делам архивов администрации Нижегородской области, 1999. 171 с.
23. Мельников-Печерский П. И. На горах. Горький: Волго-Вятское книжное издательство, 1957. 624 с.
24. Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начала XX). СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. Т. 2. 547 с.
25. Отчет о современном состоянии раскола в Нижегородской губернии... // Сборник НГУАК. Н. Новгород: 1911. Т. 9.
26. Розанов В. В. Религия. Философия. М.: Культура, 1992.
27. Седов А. В. Кержаки. История трех поколений купцов Бугровых. Н. Новгород: НОВО, 2005. 216 с.
28. Соболевская А. Духовные истоки российского предпринимательства // Вопросы экономики. 1993. № 8.
29. Старцев А. В. Хозяйственная этика старообрядчества // Старообрядчество: история и культура. Барнаул, 1999.

30. *Филиппов И.* История Выговской старообрядческой пустыни. СПб.: Типография товарищества Общественная польза, 1862. 480 с.

REFERENCES

1. *Antonov S.* Skol'ko nas? // *Staroobryadets*. 1997. N 7.
2. *Arseniy Ural'sky, episkop.* Opravdaniye Staroobryadstvuyushchey Svyatoy Khristovoy Tserkvi. M., 1999.
3. Vypiski iz staropечатnykh knig o tserkvi, eyo tainstvakh i obryadnosti. Sostavleny protoiyer-eyem Vasiliyem Alyavdinym. M., 1893. 350 s.
4. *Gor'ky A. M. N. A.* Bugrov // *Kazhdy rod znamenit i slaven*. N. Novgorod: Komitet po delam arkhivov administratsii Nizhegorodskoy oblasti, 1999. 272 s.
5. *Gurevich A. Ya.* Kategoriya srednevekovoy kul'tury. M., 1972.
6. GUTsANO. F. 2. Op. 4. D. 153.
7. GUTsANO. F. 2. Op. 5. D. 97.
8. GUTsANO F. 30. Op. 35. D. 1421.
9. GUTsANO. F. 30. Op. 35. D. 1856.
10. GUTsANO F. 30. Op. 35. D. 2452.
11. GUTsANO. F. 30. Op. 35. D. 2461.
12. GUTsANO F. 30. Op. 35. D. 2655.
13. GUTsANO. F. 30. Op. 35 a. D. 10313.
14. GUTsANO. F. 61. Op. 216. D. 469.
15. *Dal' V. I.* Dedushka Bugrov // *Kazhdy rod znamenit i slaven*. N. Novgorod: Komitet po delam arkhivov administratsii Nizhegorodskoy oblasti, 1999. 272 s.
16. *Zhitiye protopopa Avvakuma i drugiye ego sochineniya*. M., 1991.
17. *Zombart V.* Burzhua. M.: Nauka, 1994. 443 s.
18. *Kazayev I. V.* Iz istorii dinastii Blinovykh // *Kazhdy rod znamenit i slaven: iz istorii nizhegorodskogo predprinimatel'stva XVII–XX veka*. N. Novgorod: Komitet po delam arkhivov administratsii Nizhegorodskoy oblasti, 1999. 272 s.
19. *Kerrov V. V.* Rabochiye i khozyayeva. Konfessional'no-eticheskaya motivatsiya truda v Rossii XIX veka // *Staroobryadets*. 2003. N 27.
20. *Kerov V. V.* Konfessional'no-eticheskaya motivatsiya khozyaystvovaniya staroverov v XVIII–XIX vekakh // *Otechestvennaya istoriya*. 2001. N 4.
21. *Makarov A. I.* Kupecheskiy Nizhniy. N. Novgorod: NOVO, 2006. 264 s.
22. *Makarov I. A.* Uvazhayemye grazhdane nizhnego Novgoroda // *Kazhdy rod znamenit i slaven: iz istorii nizhegorodskogo predprinimatel'stva XVII–XX vv.* N. Novgorod: Komitet po delam arkhivov administratsii Nizhegorodskoy oblasti, 1999. 171 s.
23. *Mel'nikov-Pechersky P. I.* Na gorakh. Gor'kiy: Volgo-Vyatskoye knizhnoye izdatel'stvo, 1957. 624 s.
24. *Mironov B. N.* Sotsial'naya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII – nachala XX). SPb.: Dmitriy Bulanin, 2003. T. 2. 547 s.
25. Otchet o sovremennom sostoyanii raskola v Nizhegorodskoy gubernii... // *Sbornik NGUAK*. N. Novgorod: 1911. T. 9.
26. *Rozanov V. V.* Religiya. Filosofiya. M.: Kul'tura, 1992.
27. *Sedov A. V.* Kerzhaki. Istoriya trekh pokoleniy kuptsov Bugrovykh. N. Novgorod: NOVO, 2005. 216 s.
28. *Sobolevskaya A.* Dukhovnye istoki rossiyskogo predprinimatel'stva // *Voprosy ekonomiki*. 1993. N 8.
29. *Startsev A. V.* Khozyaystvennaya etika staroobryadchestva // *Staroobryadchestvo: istoriya i kul'tura*. Barnaul, 1999.
30. *Filippov I.* Istoriya Vygovskoy staroobryadcheskoy pustyni. SPb.: Tipografiya tovarishchestva Obshchestvennaya pol'za, 1862. 480 s.